

ДИСКУССИЯ

В.А. ЯНЧУК,
ДОКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МИНСК)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Рассматриваются методолого-теоретические основания интеграции психологического знания в традиции постмодерна. Обсуждается проблематика методологии и научного доказательства в области психологических исследований. Демонстрируются особенности интегративно-эkleктического подхода. Намечаются перспективы развития психологического знания.

Methodological and theoretical foundations for integrating psychological knowledge in the tradition of postmodernism are considered. The problems of research methodology and theoretical argumentation in psychological research are discussed. The peculiarities of an integrative eclectic approach are demonstrated. Perspectives of developing psychological knowledge are given shape.

Ситуация перманентного кризиса, в котором находятся социальные науки в целом и социология в частности, стимулирует поиск методологических алгоритмов, позволяющих с учетом рефлексии предшествующего опыта определить пути и средства решения основополагающих метапроблем. К числу наиболее фундаментальных из них относятся самоопределение в методологических основаниях научного познания, способе теоретического доказательства и методах исследования. Применительно к социальной психологии такого рода анализ был проведен нами по ряду акцентированных публикаций¹. Однако междисциплинарный характер изучения социальной феноменологии, являющейся объектом социальных наук, по нашему мнению, предполагает генерализацию обсуждения и на междисциплинарном уровне. В силу многогранности названной проблематики § данной статье акцентируется на методологических основаниях развития социальных наук.

Отличительной особенностью социальных наук является качественная специфичность объекта исследования - социальной реальности, дебаты о природе которой продолжаются уже многие десятилетия. Временное затишье в этих дискуссиях, связанное с доминированием «нереалистического оптимизма» в отношении универсальных возможностей позитивистской методологии не только в области естественных, но и социальных наук, сменилось к концу второго тысячелетия резким обострением ее критики и поиском альтернативных решений.

В этой связи следует напомнить, что еще В. Дильтей отмечал: «Первейшим отличием наук о духе от естественных служит то, что в последних (факты даются извне, при посредстве чувств, как единичные феномены, между тем как для наук о духе они непосредственно выступают изнутри, как реальность и как некоторая живая связь. Отсюда следует, что в естественных науках связь природных явлений может быть дана только путем дополняющих заключений, через посредство ряда гипотез. Для наук о духе, наоборот, вытекает то последствие, что в их области в основе всегда лежит связь душевной жизни, как первоначально данное. Природу мы объясняем, душевную жизнь мы постигаем»². В последние годы эта вещая констатация все чаще реминисцируется в работах различных авторов, анализирующих проблематику качественного отличия социальной феноменологии. Абстрагируясь от разного рода авторских вариаций на данную тему, можно вполне обоснованно утверждать наличие консенсуса в отношении того, что эта качественная специфич-

Дискуссия

ность выражается в ее культурной детерминированности, т. е. определяемое™ социокультурным контекстом. Данное утверждение, в свою очередь, ставит не менее фундаментальный вопрос о сущности культуры как таковой, ответы на который опять-таки пытаются найти не одно столетие³. Так как и культура, и социальная феноменология сама по себе суть продукт активности человека, то в обозначенном контексте представляется интересным вывод Э. Кассирера о том, что ключом к постижению человеческой природы является символ. Разворачивая этот вывод, он пишет: «У человека между системой рецепторов и эффекторов, которые есть у всех видов животных, есть и третье звено, которое можно назвать символической системой. Это новое приобретение целиком преобразовало всю человеческую жизнь. По сравнению с другими животными человек живет не просто в более широкой реальности - он живет как бы в новом измерении реальности. Человек живет отныне не только в физическом, но и в символическом универсуме. Язык, миф, искусство, религия - части этого универсума, те разные нити, из которых сплетается символическая сеть, сложная ткань человеческого опыта. Весь человеческий прогресс в мышлении и опыте утончает и одновременно укрепляет эту сеть. Человек уже не противостоит реальности непосредственно, он не сталкивается с ней лицом к лицу. Физическая реальность как бы отдаляется по мере того, как растет символическая активность человека»⁴. Еще ранее эта идея была обоснована в работах символических интеракционистов (Кули, Мида, Блумера и др.), показавших не просто символическую опосредованность социального взаимодействия, но и ее интерактивный характер, проявляющийся в том, что значения, определяющие интерпретацию происходящего, конструируются в процессе совместной активности и реализуются в символической форме. Таким образом, социальная феноменология обладает символической природой, продуктом и содержательным насыщением которой и является культура. Следовательно, и изучаться она должна в контексте культурной детерминированности и на иных по сравнению с физической природой методологических основаниях. Причем рассматриваться она должна в итико-имическом контексте, проясняющем соотношение общего и уникально-специфичного в культуре, введенном лингвистом К.Л. Пике⁵. Ориентация в исследовании социальной феноменологии на универсальное в ней, т. е. присущее всем культурам, приводит к недооценке роли уникально-специфичного в них.

Понятие итики вводится для характеристики общего, универсального в культурах. По мнению автора, «итическая точка зрения представляет взгляд на изучение поведения со стороны, являющийся крайне важным для первоначального подхода к отличающейся системе»⁶. К.Л. Пике видит ценность итического подхода в следующем: первое - он предоставляет широкую перспективу и возможность обучения распознаванию того, что различные события, происходящие в мире, обладают сходствами и различиями; второе - приобретаются техники описания различных феноменов; третье - итический подход является исходным, так как «не существует каких-либо других способов начала анализа, не предполагающих грубой, пробной (неточной) оценки»⁷; четвертое - итическое сравнение выбранных культур может помочь исследователю достичь поставленных целей с минимальными затратами. Понятие имики характеризует культурно-специфическое, уникальное, т. е. то, что отличает культуры. К.Л. Пике вводит его как производное от лингвистического понятия «фонемика», указывая, что «имическая точка зрения является результатом изучения поведения изнутри системы»⁸. Он отмечает тройственную ценность имического подхода, заключающуюся: во-первых, в том, что он позволяет понять пути конструирования языка или культуры «не как ряда различных частей, не связанных друг с другом, а как работающего целого»; во-вторых, он позволяет понять индивидов в их повседневной жизни, включая их социальные установки, мотивы, интересы и личность; и в-третьих, имический подход «предоставляет не только основание, на котором может

базироваться предсказательная наука, так как статистические предсказательные исследования оказываются во многих случаях не валидными»¹⁰.

Более глубокое понимание анализируемой проблематики невозможно без обращения к более широкому контексту изменений, происходящих в обществе, рассматриваемых многими исследователями в ракурсе своеобразного перехода от культурно-научной традиции модернизма к постмодернизму. Включение этих традиций в избранную логику анализа объясняется тем, что вне их рассмотрения крайне трудно понять качественные изменения, происшедшие как в социальных науках, так и в мировоззрении человека на протяжении последнего столетия.

Традиция модернизма в культуре, основывающаяся на идеях европейского рационализма XVII в., характеризуется сформировавшимися в эпоху Просвещения представлениями о принципиальной возможности открытия универсальных законов сущего. Их постижение, как ожидалось, приведет к воплощению гуманистических идеалов в практику гармонического реформирования природы и общества. В научном познании эта идея нашла воплощение в разработке методологии научного исследования. В XIX в. таковой стала методология позитивизма с ее фундаментальными принципами операционализации и верификации как, казалось, обеспечивающими подлинную научность и объективность получаемых результатов. Реализация позитивистской методологии в социальных исследованиях выразилась в использовании количественных методов и абсолютизации возможностей статистического анализа и математического моделирования. Изначально они были направлены на выявление универсальных закономерностей социального бытия, а именно истического (характерного для всех культур) или универсального в нем.

Будучи вполне пригодной и продуктивной на исторически определенной, классической, в терминологии В.С. Степина¹¹, стадии развития научного знания, по крайней мере в отношении естествознания, позитивистская методология оказалась менее продуктивной в отношении социальной феноменологии в силу ее символической и культурно-детерминированной природы, предполагающей не непосредственное, а опосредованное изучение. Универсальное описание исходно предполагает однозначную интерпретацию изучаемого символического содержания. Доказать же однозначность и изоморфность научной интерпретации весьма проблематично, что уже показано нами в ряде работ, связанных с анализом онтолого-эпистемологических оснований многообразия психологического знания¹². По крайней мере, на современном этапе развития социальных наук таких оснований не найдено. Тем не менее универсалистский подход, представляющий, в терминологии В. Дильтея, объяснительный период развития социально-гуманитарного знания, сыграл позитивную роль в истории социальных наук. Подход обладает несомненной научной ценностью как для постижения природы социальной феноменологии, так и для научного конституирования социально-гуманитарного знания. По крайней мере, автор статьи не придерживается радикальных взглядов в отношении позитивистской методологии, фиксируя внимание только на том, что экстраспективное описание социальной феноменологии не является исчерпывающим и к сегодняшнему дню практически утратило эвристические ресурсы. Применительно к социологии и социальной психологии это проявляется в том, что они «утонули» в море эмпирической фактуры, практически не создающей возможностей для продуцирования принципиально новых идей, позволяющих качественно отлично рассматривать структуру и содержание изучаемых социальных феноменов (инсайтировать). Углубление же представлений возможно посредством дополнения потенциала социологии ресурсами качественных или диалогических методологий плюралистического свойства.

Осознание ограниченных возможностей модернистского универсализма по отношению к постижению социальной феноменологии стимулировало поиск альтернативных решений. Это резонировало с постмодернистскими

Дискуссия

тенденциями в развитии науки и культуры, которые выражались в непринятии самой возможности получения универсального знания о сущем и его природе, утверждением активного, творческого, культурно- и исторически детерминированного его характера. Применительно к социально-гуманитарному знанию эти тенденции нашли свое выражение в постструктуралистской (Ж. Деррида)¹³ и постмодернистской (М. Фуко¹⁴, Ж.-Ф. Лиотар¹⁵, Ж. Бодрийяр¹⁶) критике объективизма в научном познании. Значение этой критики для социальных исследований особенно велико в силу того, что постижение внутренней символической реальности носит ярко выраженный опосредованный знаковый характер.

Эта идея поддерживается представителями культурно-конструктивистского подхода, отрицающими саму возможность обладания универсальным «надзнанием» по отношению к человеческой сущности и ее природе. Являясь по своей сути антифундаментализмом, культурный конструктивизм исходит изсылки об отсутствии рациональных или каких-либо иных очевидных оснований для исследований в области социально-гуманитарных знаний в аспекте нахождения однозначных и универсальных решений. Его последователи считают возможным сосуществование различных теорий, методов и практик, отражающих определенные традиции или формы жизни, одновременно отдавая предпочтение принципу диалога как условию взаимообогащения и развития, а не «всеобщего равенства». К. и М. Джерджен предлагают три пути возможного развития социально-гуманитарного знания: рефлексивное освобождение; многокультуризация методологии; рассмотрение теорий и исследований как культурных достояний¹⁷.

Переосмысление предмета социально-гуманитарного знания потребовало пересмотра его методолого-теоретических оснований, а также методологии и методов исследования. По существу, единственным способом постижения социальной реальности является обращение к самому ее субъекту, т. е. человеку путем диалога с ним, носящим опосредованный (знаковый, интерпретационный) характер. Обращаясь к человеку за описанием или интерпретацией интересующего фрагмента реальности, мы получаем не его исчерпывающее описание, а систему знаков, языковых кодов, подлежащих последующей интерпретации. Проблема как раз и заключается в том, что из-за отсутствия непосредственного доступа к исследуемой реальности, сокрытой в сознании субъекта и недоступной непосредственному измерению или фиксации, мы вынуждены оперировать ее символическими репрезентациями, включающими соотношение знака и значения. Эти репрезентации требуют адекватной интерпретации, предполагающей максимальное приближение к системам значений и смыслов субъекта, закодированных в языке не как в некой статичной универсальной и потенциальной исчерпывающе раскрываемой структуре знания, а как в системе интерактивной, находящейся в постоянном процессе изменения и соконструирования, созидания.

Поиск новых оснований научного познания социальной сущности человека, феноменологии его социального бытия, наконец, природы сущего в целом привел к развитию идей постмодернизма. В научной литературе постмодернизм часто отождествляется с постструктурализмом, хотя эти понятия не идентичны. Постструктурализм в его оригинальном значении - это теория знания и языка (Деррида, французский феминизм), а постмодернизм (Фуко, Барт, Лиотар, Бодрийяр) - теория общества, культуры и истории.

Отличительной особенностью постструктурализма является обоснование необходимости рассмотрения культуры как текста. Более того, в культурном конструктивизме и сама социальная феноменология рассматривается как текстовая. Придание ей характера текстуальности обусловлено прежде всего выводом о том, что она представлена в сознании субъекта, доступ к которому опосредован символами или текстами, требующими адекватной интерпретации. На критике структурализма, ищущего совершенную структуру передачи символического содержания - совершенную форму, постструктура-

Дискуссия

листы обосновывают принципиальную невозможность ее нахождения, так как содержание или система значений лежит над текстом (за текстом и т. п.) и формируется в заочном диалоге автора и читателя, детерминированном определенным ситуативным контекстом. Ж. Деррида убедительно показывает, что любой текст представляет собой «спорную территорию», поскольку не может быть понят без обращения к скрытостям и контекстуализациям значений, представленных в нем соответствующими последовательностями знаков. Эти скрытости и контекстуализации могут быть объяснены в выводах, но такие выводы не всегда присутствуют в тексте или же читатель часто не заостряет на них свое внимание. По Деррида¹⁸, чтение представляет собой особый тип активности, с помощью которого читатели контекстуализируют значения, как бы становясь на время авторами и изменяя иерархию написанного обращением к культуре и субкультуре, а также опыту собственных жизненных переживаний. По существу, утверждает Деррида, именно в природе языка коренится способность продуцирования одних значений только в отношении других, в соотношении с которыми они и обретают собственную означенность. Таким образом, мы никогда не сможем установить стабильные значения, пытаясь найти соответствие между языком и описываемым им миром. Наоборот, значение является результатом различных означений, придаваемых словам¹⁹.

Выбор слов не определяет нашего мышления и не разрешает основных интеллектуальных противоречий. Мы обречены на существование с неразрешенными проблемами языка посредством самого языка, создающего эти проблемы и обстоятельства для деконструкции. Несмотря на то, что постмодернисты открыто признают несовершенство своих подходов, отвергая при этом позитивистскую претензию на абсолютную доказательность, Ж. Деррида не дает указаний, как лучше писать (в случае социальных наук - как лучше проводить эмпирическое исследование). Он в большей степени заинтересован в разрушении представлений о том, что язык является просто техническим средством установления однозначных, стабильных значений. Этот вывод демистифицирует позитивизм, показывая его собственную зависимость от языка и в случае науки - от метода исследования. Единственным путем к постижению значений является языковая практика, которая, однако, порождает новые противоречия и конфликты. По мнению Ж. Деррида, мы обречены на бытие в языковой тюрьме²⁰. Ограничения языка в описании реальности приводят к упрощению представлений о ней и ограниченности понимания ее сущности. Чем более развита система языковых понятий, тем более многогранно представление о мире, и наоборот. Ж. Деррида отмечает, что сложности обучают, а простота представляет собой мнимую ясность, скрывая присущую языку внутреннюю неразрешимость. Чем менее содержательна и структурирована языковая репрезентация мира, тем более неопределенно представлен он в сознании. Любое упрощение языковой коммуникации приводит, во-первых, к ограничению ее возможностей и, во-вторых, к резкому увеличению возможностей домысливания, достраивания и искажения смысла исходного сообщения.

Влияние работ Ж. Деррида на развитие социальных наук многоаспектно. Он не только разрушает код чисто количественных эмпирических исследований социальных наук, но и указывает возможные способы письма и прочтения. Методология может быть определена как риторика, расшифровывающая некоторые выводы и ценности о социальном мире. Она выступает своеобразным средством прочтения мира и формирования отношения к нему, а также правил его организации. В качестве такого рода методологии выступает деконструкция, которая позволяет обнаружить ценности и интересы, скрытые в глубине науки, предоставляя возможность читателю «войти» в существо исследуемых проблем и определить их отношение к самому себе. Конечно же, деконструированный научный текст никогда не решит всех проблем. К научному познанию вообще невозможно применение категории «абсолютная истина».

Дискуссия

Постструктурализм помогает автору и читателю признать свой вклад в научные тексты и причастность к их созданию. Вне зависимости от кажущейся сиюминутности любое незначительное действие по отношению к тексту сказывается на его общем значении. То, как мы озаглавливаем статьи, описываем проблемы, осуществляем литературные обзоры, используем методы количественной обработки данных для презентации полученных результатов, оформляем сноски, сказывается на формировании общего смысла текстов. Вместе с тем любой фрагмент текста, соотносясь с общим содержанием, должен обладать самостоятельностью. Согласно теории постструктурализма научный текст не является зеркальным отражением мира, это, скорее, настойчивое, образное, литературное вмешательство в него со своими собственными правами. Так как методология представляет собой свою собственную версию прочтения мира, она должна быть доступной, чтобы обеспечить понимание закодированных в научном тексте выводов. Это имеет прямое отношение и к социально-гуманитарному знанию. Поскольку любой социальный текст связан с определенной культурно-научной традицией, отражает авторскую научную позицию и своеобразие индивидуальной культуры, определяющих контекст текста, то без раскрытия его содержания многие положения могут быть прочитаны или интерпретированы неправильно. Поэтому одной из центральных задач социальных наук является изучение связи текста и контекста и адекватного донесения последнего до читателя с учетом его возможной субъективной интерпретации. Если мысленные репрезентации мира автора и читателя научного текста рассогласовываются, то необходимы специальные средства и усилия по их согласованию с целью достижения адекватной и относительно аутентичной интерпретации.

Еще большую связь с перспективой развития социальных наук имеет постмодернизм в его видении М. Фуко, особенно в контексте реальностей культурного и дискурсного анализа²¹. Несмотря на то, что постмодернизм зарождается в рамках архитектурного движения, его философская составляющая оформляется в работах Ж.-Ф. Лиотара. В своем труде «Постмодернистское условие: отчет о знании», посвященном обсуждению центральных вопросов модерна и постмодерна, Ж.-Ф. Лиотар отвергает тоталитарную перспективу развития истории и общества, называя ее грандиозным нарративом (*grand narrative*). Утверждая, что никто не обладает абсолютным правом создания всеобъемлющего повествования о мире (могут быть лишь небольшие гетерогенные повествования с «субъектных позиций» индивидов и многочисленных социальных групп), Ж.-Ф. Лиотар проповедует идею плюрализма и многомерности по отношению к анализу социального знания²². По мнению М. Фуко, знание должно рассматриваться с позиций различных дискурсов/практик, структурирующих знания, формулируемые в них²³. Как считают некоторые исследователи, здесь уместна аналогия с парадигмальным подходом Т. Куна, утверждавшего, что в научном сообществе существуют исторически сложившиеся согласованные мировоззренческие представления, определяющие отношение к исследуемым явлениям. Правда, М. Фуко больше акцентирует внимание на использовании повседневного опыта и обычного языка для определения этих парадигматических знаний. В своих исследованиях природы криминальности и сексуальности он показывает, как эти состояния исторически конституируются посредством дискурсов, делающих их проблемными.

Как и постструктурализм, постмодернизм отрицает саму возможность объективных репрезентаций на том основании, что знание контекстуализировано своей исторической и культурной природой. Достижение универсального социального знания невозможно в силу отсутствия «объективных» критериев измерения и соотнесения позиций различных субъектов относительно друг друга. Невозможно установить, например, кто более притеснен в современном обществе - женщины или различного рода меньшинства, так как практически невозможно найти эквиваленты измерения их своеобразия. Каждый переживает притеснение по-своему. И использование однозначных критериев

оценки больше/меньше по меньшей мере неуместно. Куда важнее знание того, как различные переживания мира структурируются дискурсами/практиками, конституирующими переживания бытия женщиной или меньшинствами в данный момент времени. Отвергая универсальную перспективу развития социальных наук, последователи постструктурализма и постмодернизма оперируют лишь отдельными состояниями знания, которые определяются совокупностью субъектных позиций людей. Здесь прослеживается связь с социальной феноменологией и этнометодологией, во многом опирающихся на идеи Ницше и Хайдеггера о невозможности открытия универсального знания.

Последующее развитие идей постмодернизма связано с именем еще одного крупного французского мыслителя - Ж. Бодрийяра, разработавшего его современную социологическую версию. Ж. Бодрийяр утверждает, что реальность (он называет ее гиперреальностью) все в большей степени приобретает имитационный характер, поскольку создается мощными средствами массовой коммуникации и другими культурными источниками. Люди теряют способность различать стимулы и реальность. Средства массовой коммуникации, придавая транслируемым системам знаков динамичный характер, способствуют размыванию поля тех или иных значений, что вызывает в индивидуальном сознании состояние неопределенности. Многие понятия на протяжении достаточно небольшого промежутка времени изменили свои значения чуть ли не на противоположные. Так, например, под влиянием средств массовой коммуникации акт вторжения американо-британской коалиции в Ирак начинает восприниматься массовой аудиторией почти как благородная миссия. Подобная динамика значений, создавая ситуацию неопределенности, может привести к внутри- или межличностному конфликту, требующему разрешения. Более того, многие знаки приобретают поливариантные значения и их адекватное прочтение становится невозможным без реконструкции культурального, субкультурального и ситуативного контекстов. Так, знак «авторитет» в субкультуре научных работников может иметь одно значение, в криминальной субкультуре - другое.

Идеи постструктурализма и постмодернизма оказали влияние на развитие социальных наук. Это нашло свое выражение в понимании необходимости выработки критериев оценки адекватности и путей согласования полученных знаний. Б. Аггер формулирует ряд требований к социальным наукам, которые должны:

- быть рефлексивными в отношении утверждений о непогрешимости их методов исследований и безграничности возможностей;
- рассматривать все дискурсивные (в том числе и научные) тексты как риторические, форма изложения в которых направлена на донесение соответствующих систем значений до читателей, обладающих способностью и возможностью собственной их интерпретации;
- проводить мысль, что язык конституирует реальность, предполагает изучение особенностей ее формирования, проявления и развития, определяющих специфику само- и мировосприятия субъекта;
- исключать возможность существования единственно верных, однозначных, универсальных описаний социальной реальности²⁴.

Особенность и влияние постмодернистского мышления заключается именно в признании культурного полифонизма, открывающего простор для подлинного диалога, открытости исторического познания, освобождению его от догматизма. Постмодернистская ситуация вносит новый опыт видения и владения своими и чужими культурными ценностями, стимулирует интеграцию различных культур, способствует выработке целостного воззрения на мир и формированию единой взаимопроникающей и взаимодополняющей культуры человечества.

Во многом эти идеи прослеживаются и в методологических работах В.С. Степина, посвященных научному познанию в целом, которое, по его мнению, «начинает рассматриваться в контексте социальных условий его бытия

Дискуссия

и его социальных последствий как особая часть жизни общества, детерминированная на каждом этапе своего развития общим состоянием культуры данной исторической эпохи, ее ценностными ориентациями и мировоззренческими установками. Осмысливается историческая изменчивость не только онтологических постулатов, но и самих идеалов и норм познания. Соответственно развивается и обогащается содержание категорий "теория", "метод", "факт", "обоснование", "объяснение" и т. п.»²⁵.

В.С. Степин выделяет три основные стадии исторического развития науки, увязывая их с тремя типами рациональности: *классическая рациональность* (соответствующая классической науке в двух ее состояниях - дисциплинарном и дисциплинарно-организованном); *неклассическая рациональность* (соответствующая неклассической науке) и *постнеклассическая рациональность*²⁶. Отличительной особенностью последней является включение в предмет научного познания не только объекта, но и средств, и субъекта познания. Принципиальное отличие этой стадии развития науки заключается в признании того, что и научное знание в целом (включая естествознание) в существенной степени социально детерминировано. Так как субъект научного познания оказывает на него влияние, то оно неизбежно приобретает характер социально-конвенционального, а не объективного в подлинном значении этого понятия, т. е. независимого от исследователя. Следовательно, и в этом случае речь идет о культурной детерминированности и символической природе научного знания. Его конвенциональный характер ставит вопрос о выработке конвенций на основе диалога, предполагающего формирование разделяемого поля значений на основании принципа консенсуса членов научного сообщества, которое, в свою очередь, не является гомогенным, т. е. обладающим объективными критериями оценки истинности. С последним связано и обсуждение самой проблематики истинности знания в ее эпистемологическом значении. Процесс установления истинности рассматривается как особый тип философской рефлексии, описательного сравнения результатов разных видов знания и практики, традиций и типов рациональности, разных мнений и проблем в том «свободном пространстве» поиска интегрального гносеологического процесса, когда плюрализм истинных результатов сочетается с осознанием ограниченности познания и его бесконечности²⁷.

Эти идеи лежат и в основании разрабатываемого автором интегративно-эклетиического подхода к анализу социальной феноменологии, обосновывающего необходимость постижения природы социальной феноменологии через сопровождаемое критической рефлексией интегрирование, эклектику различных традиций, подходов, логик и инструментов при сохранении их автономии в последующем развитии. Суть подхода заключается в многоплоскостном, полилинейном, разновекторном анализе, создающем возможность качественно нового осмысления и понимания социальной феноменологии, предполагающего включение в анализ аспектов множественности, диалогичности, диатропичности феномена. Разделение взглядов оппонента, включение в конкуренцию идей, критическая рефлексия, критическое позиционирование предоставляют возможность отстраненного (лишенного субъективной зашоренности) анализа, превращающегося в своеобразный вечный двигатель прогресса знания. Речь идет не об интеграции как неизбежно порождающей тенденцию к монополии истины со всеми вытекающими последствиями, а об именно свободном оперировании разноплоскостным, разновекторным знанием, связанным с наиболее продуктивно работающими в проблемной области традициями и их инструментарием²⁸. На смену одномерной логике - или/или, верно/неверно - предлагается многомерная логика и/и, создающая основания для диалога и объединения ресурсов всех участвующих сторон на пути углубления представлений о природе и своеобразии социальной феноменологии. Эта новая логика предполагает исходную возможность существования альтернативных решений и ориентирована на диалог, направленный на достижение максимально обоснованных и исчерпывающе доказанных ре-

шений. Примером такого рода многомерности является апробированная в менеджменте процедура выработки управленческих решений, предполагающая на определенном этапе концентрацию усилий на его «разбивании» или опровержении с самых разных позиций. Если решение выдержало такого рода проверку, то оно считается более обоснованным и адекватным.

В свете изложенного поиск дополнительных ресурсов углубления социально-гуманитарного знания смещается с отстраненного «объективного» описания в сторону понимания специфики внутренних переживаний и их динамики, т. е. развития. Понимание этого процесса становится невозможным вне культурно-исторической детерминированности (Л.С. Выготский) и диалогического характера познания и понимания (М.М. Бахтин). В контексте рассуждений Э. Кассирера центральной категорией социально-гуманитарного знания должны стать символические значения, а не стимулы и реакции и непосредственно наблюдаемое поведение. Значения не транслируются в раз и навсегда заданном содержании, они формируются во взаимоотношениях, опосредованных культурой и субкультурой. Уровень общего взаимопонимания обеспечивается наличием согласованных общекультурных словарей, включающих описание наиболее существенных характеристик представляемого аспекта реальности, своеобразным общим ориентиром. Но наличие общего представления не дает необходимых детализации и конкретизации, осуществляемых на субкультуральном и индивидуальном уровнях. Именно на этих уровнях и происходит реализация познаваемого объекта в ясный и конкретный образ или представление, понятное на уровне здравого смысла, включенного в индивидуальную картину или образ мира, создающих мировоззрение и представление о самом себе. Такого рода трансформация и индивидуальная адаптация становятся возможными только в процессе многочисленных прояснений и детализаций общего представления в межличностной коммуникации на уровне субкультуры. Без детализации и конкретизации невозможно включение понятия об объекте в активное взаимодействие с окружающим физическим и социальным миром, т. е. его осознание.

Таким образом, язык приобретает определенную значимость во взаимоотношениях между людьми, в которых они устанавливаются, уточняются и развиваются. Любой, в том числе и научный, дискурс возникает в сообществе пользователей языка, и каждое такое сообщество, как и отдельный индивид, привносит в его содержание индивидуально-специфичное значение, понятное преимущественно членам этого сообщества, которые обладают общим жизненным опытом. Но даже в рамках наиболее близкого сообщества не существует тождественности систем значений, так как каждый индивид привносит в него собственную уникальность, без приближения к осознанию которой невозможно понимание и взаимопонимание. Согласованный характер значений определяет их новый порядок, порождающий новые формы активности. Так как значения формируются во взаимоотношениях, «приспосабливаясь» к условиям координации взаимодействия, они всегда открыты для изменений. Любое взаимодействие создает условия для уточнения и изменения существующих значений, что приводит к генерированию их нового порядка.

Применительно к социологическим исследованиям это проявляется в том, что в них зачастую вскрывается только поверхностный пласт, представленный в текстовых репрезентациях ответов респондентов. Но эти репрезентации не могут быть рассмотрены как однозначные реакции универсального свойства. Парадоксально, что исследователя часто и интересуют только сами ответы, которые в дальнейшем становятся объектом математических манипуляций, определяемых «искусством» аналитика. Вопрос же экологической валидности полученных результатов не имеет принципиального значения и является актуальным только в случае вопиющего расхождения полученных результатов с реальным поведением респондентов, причем в массовых формах. В нынешних динамичных обществах, особенно находящихся в переходном периоде, характеризующемся, по Ж. Бодрийяру, симультаннос-

Дискуссия

тью значений без уточнения их содержания и динамики, теряется сама возможность получения адекватных представлений и тем более оснований для прогноза. Ярким примером является динамика систем значений в общественном и индивидуальном сознании граждан Украины в свете недавних президентских выборов. Любые опросы общественного мнения, не сопровождающиеся вскрытием глубинных пластов и устойчивостью представлений респондентов, становятся зависимыми от динамики ситуативного контекста и теряют свою прогностичность. Вот почему аналитики часто полагаются скорее на свою интуицию, подгоняя под нее эмпирику в надежде выгодно продать заинтересованным сторонам. Степень же адекватности такого рода прогнозов часто определяется принципом «попал - не попал». Из этого следует, что получаемые ответы требуют уточнения сокрытых в них жизненных переживаний и связанных с ними систем значений, которые в конечном счете и определяют как интерпретацию субъектом происходящего, так и определение отношения к нему, лежащего в основании принятия решений о реагировании. В частности, именно этим обстоятельством обусловлено возрастание популярности метода фокус-групп, также не являющегося исчерпывающим по своим возможностям, так как он подчинен все тому же универсальному контексту.

Таким образом, первичным условием углубления понимания социальной феноменологии является идентификация индивидуальных жизненных опытов, лежащих в их основании систем значений и их устойчивости, глубинности, предполагающих диалогическое уточнение в процессе формирования разделяемого поля значений, которое формируется и развивается в межличностном взаимодействии исследователя и респондента²⁹. Дж. Шоттер, анализируя подход диалогичности лингвистической коммуникации М.М. Бахтина, отмечает в этой связи: «Поскольку человек никогда не может в полной мере оказаться на месте другого (не потеряв при этом своего собственного), двое собеседников никогда не могут вполне понять друг друга; они лишь частично оказываются удовлетворены взаимными репликами. Каждое высказывание вызывает отклик. Таким образом, творческое преодоление каждой "пропасти" вызывает нужду в дальнейшем отклике, и лингвистическая цепь остается ненарушенной. Предметом изучения как раз и является то, что обсуждаемое или выясняемое значит для нас как для индивидов, участвующих во множестве различных диалогов»³⁰. М.М. Бахтин подчеркивает, что «идея интериндивидуальна и интерсубъективна. Идея - это *живое событие*, разыгрывающееся в точке диалогической встречи двух или нескольких сознаний». Следовательно, и понимание также носит диалогический характер. Значение не схватывается, не отражается, а формируется и уточняется в диалоге участвующих в процессе взаимного познания и понимания людей, трансформируясь в смысл.

Понимающие социальные науки должны быть диалогическими по своей природе. Это требует изменения исследовательской методологии - от интраспективной (методология первого лица, основывающаяся на самоанализе) через экстраспективную (методология третьего лица, основывающаяся на отстраненном, опосредованном наблюдении) к диалогической (методология второго лица). Последняя предполагает активный субъект-субъектный характер взаимодействия исследователя и исследуемого, направленного на взаимопрояснение адекватности сформировавшегося поля значений. Причем исследование превращается во взаимоисследование интерактивного свойства, в котором каждая из сторон может преследовать разные цели и решать разные задачи. И если они начинают носить согласованный характер, то резко увеличиваются возможности расширения и углубления представлений о сути и природе изучаемого феномена и, как следствие, его понимания. Некоторые ученые относят к диалогическим методологиям нарративную методологию, многоголосые и совместные исследования³².

Нарративная методология ориентирована на самоописания (автобиографии, рассказы и т. п.) исследуемых. Самоописания дополняются уточне-

ниями и интерпретациями авторов, а также рефлексиями о точности их понимания исследователем. Одна из особенностей этой методологии состоит в том, что при исследовании измерения «коллективизм - индивидуализм» (измерение, введенное Хофстидом для сравнения кросс-культурных особенностей) статистические сравнения центральной тенденции заменяются подробными описаниями того, что различные взаимоотношения означают для представителей разных культур, времен и народов. Эти исследования показывают наличие выраженных субкультуральных различий в казалось бы гомогенных культурах.

Многоголосое исследование основывается на идее читательской интерпретации результатов. Так как и исследователь, и исследуемые представляют собственную трактовку происходящего, находясь под влиянием собственных предубеждений, то выход видится в том, что общее заключение предоставляется читателю. Поэтому в итоговый отчет включаются описания явления и его интерпретации всеми участвующими сторонами. Один из примеров использования этой методологии - работа П. Лейза и К. Смизис «Сопереживая с ангелами»,³³ в которой описаны личные переживания ВИЧ-инфицированных женщин и то, как эти переживания отражаются на их мировосприятии. Понимание того, что другой человек просто не в состоянии понять специфики жизненных переживаний больного, обуславливает максимальное использование их самоописаний, сопровождаемых внешней оценкой. Отдельный раздел книги посвящен собственным переживаниям ее авторов, которые они испытывали в процессе работы. Кроме того, в книге содержатся результаты академического исследования, а также комментарии к прочитанному всех участников.

Совместные исследования исходят из принципа открытости изучаемых паттернов многообразным культурным традициям и альтернативным интерпретациям. Разделяя общую идею многоголосого исследования о том, что максимальным доступом к переживаемой реальности обладает только сам ее переживающий, последователи этой методологии пытаются демонтировать исследовательскую иерархию, заменив традиционную автономию исследования новыми формами, ориентированными на сотрудничество. Исследуемых вооружают соответствующими инструментами и средствами анализа, консультируют, получая описания с внутренней перспективы. Параллельно исследователь сам занимается изучением вопроса. Наиболее известным примером такой методологии является анализ совместных действий.

Использование диалогических методологий, по крайней мере, позволяет приблизиться к пониманию уникально-специфичного (имического) аспекта социальной феноменологии. Полагание только на универсальное, общеприходящее (итическое) в исследованиях приводит к огрубленным универсальным описаниям и объяснению, не дающим понимания природы проявления феноменов экстремального, девиантного поведения, сопровождаемых слишком абстрактным их толкованием. Примером является упрощенное приписывание (атрибутирование) причин поведения террористов в Беслане употреблением ими наркотиков, а также религиозным фанатизмом. На самом деле все гораздо сложнее, и суть проблемы заключается именно в уникально-специфических особенностях субкультуры радикального исламского фундаментализма, отражающихся и на субъективной символической интерпретации его представителями происходящего. Незнание своеобразия этой интерпретации приводит к невозможности диалога и превалированию простых решений: есть человек - есть проблема, нет человека - нет проблемы. Свойственное универсалистскому подходу оперирование общекультурным контекстом в интерпретации социальной феноменологии сталкивается с его несоответствием субкультуральному, имическому и индивидуальному контекстам, роль которых в интерпретации происходящего его участниками непереоценима, так как именно они определяют субъективную интерпретацию и соответственно способ реагирования. Таким образом, возникает проблема нахождения опти-

Дискуссия

мальных сочетаний названных контекстов в их отношении к анализируемому ситуативному контексту. Это тем более очевидно, что даже на уровне анализа необходимым условием понимания текста является привязка к конкретному контексту, которая и обеспечивает ограничение спектра возможных интерпретаций из существующего континуума значений.

Включение в плоскость анализа социальной феноменологии ее культурно-контекстуальной детерминации ставит вопрос и о роли в этом процессе самого субъекта и степени его активности. В этой связи нельзя оставить без внимания принцип взаимного детерминизма А. Бандуры, представленный им в одной из наиболее фундаментальных, по нашему мнению, работ XX в. «Социальные основания мышления и действий»³⁴, в которой он формулирует основные принципы метатеории человеческого поведения. Анализируя известную формулу К. Левина $B = (P, S)$, описывающую поведение как функцию от личности и ситуации, А. Бандура обосновывает их отношение взаимозависимости. Согласно этому принципу любое изменение в ситуативном контексте приводит к изменению в личности и ее характере активности и наоборот. Принимательно к анализируемому контексту это означает, что понимание социальной феноменологии предполагают акцентирование внимания наряду с социальным культурно-детерминированным контекстом на личностных особенностях участников и характере их активности, находящихся в состоянии взаимодетерминации. Прогнозируя развитие событий, социологи и социальные психологи должны учитывать возможное детерминирующее влияние перечисленных факторов, только определенное сочетание которых и будет определяющим в отношении прогнозируемого развития событий. Этот вывод свидетельствует и о необходимости междисциплинарной интеграции, в частности, социологии и социальной психологии, так как в каждой из них накоплен богатый фактологический и теоретический материал в отношении каждого из перечисленных факторов. Однако эта интеграция должна носить и диалогический, интегративно-эклетический характер, способствующий объединению совместных ресурсов при сохранении дисциплинарной автономии, позволяющий преодолеть издержки монополизации знания и сохранить возможность внешней и внутренней рефлексии. В этой связи следует сослаться на вступительное слово президента Американской социологической ассоциации Д. Мессей на конгрессе 1999 г., в котором он отмечает: «Фактически не существует единой истории, единственной неизбежности. Существуют множественные истории и множественные темпоральности. И именно эта множественность, сама по себе зависящая от временной определенности, гарантирует открытость будущему. Это означает, в свою очередь, что будущее не может быть предсказано, а должно создаваться»³⁵.

Внедрение диалогического подхода в методологии исследования социальной феноменологии предполагает и прояснение ряда связанных с ним проблемных областей: теоретического доказательства и метода исследования. Становится очевидной ограниченность эксплицитно-структурированного доказательства (основывающегося на необходимости эмпирического подтверждения любого элемента теории) и необходимость повышения роли имплицитно-структурированного доказательства (основывающегося на меньшей зависимости от эмпирического подтверждения и акцентировании на логической последовательности и непротиворечивости, убедительности и принятии заинтересованным и квалифицированным читателем)³⁶. В области исследования осуществляется поиск оптимального сочетания возможностей количественных и качественных методов. Примером является методологическая триангуляция и ее авторская модификация интегративной эклектики³⁷. В силу чрезвычайной многоаспектности этих областей их анализ будет осуществлен в последующих публикациях автора.

¹ См.: Янчук В. А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эклетический подход. Мн., 2000; Новые подходы в психологическом исследовании // Выбранные научные работы Белорусского государственного университета. У 7 т.

- Т. 1. Педагогика. Пахалоля. Сацяялоля. Фтасоф1я /Адк. рэд. А.І. Жук. Мн., 2001. С. 217-234; Янчук В.А. Методолого-психологические основания развития психологической науки в культурно-научной традиции постмодерна // Бел. психол. журн. 2004. № 1. С. 3-14.
- ² Дильтей В. Описательная психология. СПб., 1996. С. 15.
- ³ См., например: Философия культуры. Становление и развитие / Под ред. М.С. Кагана, Ю.В. Перова, В.В. Прозерского, Э.П. Юровской. СПб., 1998.
- ⁴ Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 28-29.
- ⁵ См.: Pike K.L. Language in relation to unified theory of the structure of human behavior. Mouton, 1967.
- ⁶ Ibid. P. 37.
- ⁷ Ibid. P. 40.
- ⁸ Ibid. P. 37.
- ⁹ Ibid. P. 41.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ См.: Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000.
- ¹² См.: Янчук В.А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эклетикий подход. Мн., 2000; Он же. Интегративно-эклетикий подход к анализу психологической феноменологии: Слов.-справ. Мн., 2001.
- ¹³ См.: Derrida J. Writing and difference. Chicago, 1978; Idem. Positions. Chicago, 1981.
- ¹⁴ См.: Foucault M. The order of things. New York, 1970; Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.
- ¹⁵ См.: Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М., 1998.
- ¹⁶ См.: Baudrillard J. For a Critique of the political economy of the sign. St. Louis, 1981; Idem. Simulations. New York, 1983.
- ¹⁷ См.: Gergen K.J., Gergen M.M. Toward a Cultural Constructionist psychology // Theory and Psychology. 1997. Vol. 7. P. 31-36.
- ¹⁸ См.: Деррида Ж. Письмо и различие. СПб., 2000.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ См.: Foucault M. The order of things. New York, 1970; Он же. Археология знания. Киев, 1996.
- ²² См.: Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М., 1998.
- ²³ См.: Foucault M. The order of things. New York, 1970; Он же. Археология знания. Киев, 1996.
- ²⁴ См.: Agger B. Critical theory, poststructuralism, postmodernism: Their sociological relevance// Annual Review of Sociology. 1991. Vol. 7. P. 105-131.
- ²⁵ Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000. С. 632.
- ²⁶ Там же. С. 633.
- ²⁷ См.: Касавин И.Т. О дескриптивном понимании истины // Филос. науки. 1990. № 8. С. 64-74.
- ²⁸ См.: Янчук В.А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эклетикий подход. Мн., 2000.
- ²⁹ См.: Янчук В.А. Методолого-психологические основания развития психологической науки в культурно-научной традиции постмодерна // Бел. психол. журн. 2004. № 1. С. 3-14.
- ³⁰ Шоттер Д. М.М. Бахтин и Л.С. Выготский: интериоризация как «феномен границы» // Вопр. психологии. 1996. № 6. С. 107.
- Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994. С. 294.
- ³² См.: Gergen K.J., Gergen M.M. Toward a Cultural Constructionist psychology//Theory and Psychology. 1997. Vol. 7. P. 31-36.
- ³³ Там же.
- ³⁴ См.: Bandura A. Social Foundation of Thought and Action: A Social Cognitive Theory. New Jersey, 1986.
- Massey D. Negotiating disciplinary boundaries // Current Sociology. October 1999. Vol. 47(4). P. 5-12.
- ³⁶ См.: Franklin C.W. Theoretical perspectives in social psychology. Boston, 1982.
- ³⁷ См.: Янчук В.А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эклетикий подход. Мн., 2000.